

ЧТО ДЕЛАТЬ С ГАЛКОЙ?

Рассказ

Он сражался, как лев. Он сдергивал очки с носа, махал ими перед собой и возбужденно говорил, почти кричал, что ничего хорошего из этого не получится, что это даже странно, что он не может, не может и, наконец, не хочет.

А ему в который раз спокойно говорили, что он должен, что это необходимо, что он не имеет права отказываться.

И он в конце концов сдался. Что ж, если так надо, он постарается, он сделает все, что сможет, только...

А потом было длиннее утро.

В кабинете царил полумрак от задернутых почти полностью тяжелых штор. Виталий Скачков сидел за массивным письменным столом. Теперь таких столов уже почти нигде не увидишь.

Худенький, остроносый, он казался мальчишкой, забравшимся потихоньку в отцовский кабинет. Вот сейчас придет отец и легонько хлопнет по затылку: «Ну-ка, освобождай место, сынок».

Виталий, конечно, не был мальчишкой, ему перевалило за двадцать пять, его уже не один год величали Виталием Андреевичем. И все-таки в этом большом, торжественном, немного мрачном кабинете он чувствовал себя маленьким и ничего не умеющим.

Ну, был он секретарем комсомольской организации. Однако сейчас не то, двадцать тысяч. Даже представить вместе столько людей трудно. Вспомнилась фраза из передовой статьи: «Доходить до сердца каждого комсомольца». Попробуй дойди до каждого!

Небось горкомовцы удивляются: пришел первый секретарь, заперся в кабинете и сидит. Но к ним же надо с чем-то идти, ставить перед ними какие-то

задачи. А какие задачи?

Виталий вспомнил тишину библиотеки, длинные стеллажи, книги... Старые, с желтоватыми ломкими страницами, которые надо перелистывать очень осторожно, новые, во многих местах не разрезанные...

Да, там все было понятно. А здесь... Человека-то не засунешь на самую дальнюю полку, если он плох. А засунешь, так потом жалеть придется. И как определить точно, плох он или хорош? Тут какие-то особые качества нужны, а у него, видимо, этих качеств нет. Зря согласился... Ну да теперь поздно об этом вздыхать. Думать нужно, думать...

А горкомовцы, наверное, удивляются...

Они действительно удивлялись.

— Слышь, Лика, а новый нас боится, что ли? Забился в кабинет с утра и носа не высовывает, — сказала инструктор Света Сизикова.

Завучетом Лика Кружкова с готовностью отодвинула в сторону листки очередного отчета и приготовилась поболтать. Любила Лика, как она это называла, «обменяться мнениями по животрепещущим вопросам». Сейчас вопрос возник самый животрепещущий — новый первый секретарь горкома.

— Вообще, не повезло нам, — сказала Лика, — рыжий он, очкастый и рост неподходящий. Одно слово — библиотекарь!

— Точно, — откликнулась Света, — мельчают кадры... Будто ребят настоящих нету. И

зачем крайкому понадобилось этого из библиотеки вытаскивать? Сидел бы, ковырялся в книжках.

— А он и тут будет сидеть... Вон одиннадцатый час... Помнишь, как Гриша в первый

раз пришел? Вот это был секретарь! И парень видный! А как на меня в первый же день накинута: «Не учет, а конюшня!» Никакой конюшни не было, а чувствовалось: руководитель.

— Да, такого, как Гриша, у нас уже не будет. У нового и голосок какой-то цыплячий.

Скрипнула дверь. Лика трудолюбиво углубилась в отчет, а Света сосредоточенно зашелестела страницами телефонного справочника.

— Все строчите, все звоните, да и нет не говорите! — маленькая скуластая девчонка хохотала. Ее короткие черные волосы, казалось, побывали в руках самого бога ветров.

— Наташка,— почти в один голос воскликнули Света и Лика,— привет!

— Привет, привет... Слушайте, это в последний раз.

— Что в последний раз?— удивилась Света.

— Приношу вам пригласительные. Если опять никто не придет — все. Разрыв дипломатических отношений.

— А что у вас там?

— Литературный диспут.

— О! — сказала Лика, — Есть идея. Дельце как раз для нашего библиотекаря.

— Что за библиотекарь? — не поняла Наташа.

— Наш новый шеф.

— А? Ну, и как он?

— А мы его сегодня и не видели. Засел у себя и решает мировые проблемы, Похоже, ни рыба ни мясо. Вот мы ему твои билеты и отдадим.

— Огромное вам гран мерси,— насмешливо сказала Наташа,— за такую кандидатуру. Впрочем, он так он. До свиданья, девчонки, я побежала.

Тихий стук в дверь отвлек Виталия от размышлений.

— Прошу вас, войдите,— крикнул он.

Вошла Лика.

— Простите, Виталий Андреевич, вы не заняты? А то я попозже зайду.

— Нет-нет, я не занят,— быстро ответил Виталий и хмуро посмотрел на

Лику. Узкое и короткое платье сильно подчеркивало все недостатки ее почти квадратной фигуры.

«Чего это она с реверансами,— подумал он.— Разговаривает, будто на цыпочках стоит».

— Виталий Андреевич, сейчас приходила Наташа Скворцова, член комитета пединститута, принесла билеты на литературный диспут. Они очень просят, чтобы вы пришли.

— Ага,— сказал Виталий,— очень хорошо. Литературный диспут—это интересно. Непременно пойду.

Было без десяти семь, когда Виталий вошел в пединститут. В длинных гулких коридорах пустынно и тихо, только где-то нудно гудела труба. Видимо, шла репетиция.

По широкой лестнице застучали каблучки. Навстречу Виталию бежала маленькая скуластая девчонка.

— Послушайте, где тут должен проходить литературный диспут?

Девушка остановилась и с интересом оглядела Виталия с ног до головы.

— Диспут?.. А-а, вы, наверное, из горкома?

— Да.

— Ага. А я думала, что не придете... Давайте знакомиться. Наташа Скворцова.

— Виталий Скачков.

— Пойдемте в зал, Виталий... С началом, правда, задержимся. Мало народу.

Они поднялись на второй этаж и вошли в актовый зал.

— Да, действительно, народу не густо, — заметил Виталий, оглядывая ряды пустых кресел, в которых там и сям торчали головы участников будущего диспута.— Жидко, как на грядке ленивого огородника.

— Вот вам смешно, а мне нисколечко,— обиделась Наташа.— Все требуют: проводи работу. А как проводить ее, если никто не ходит?

— А почему не ходят?

— Кто его знает. Не интересуются ничем. Ведь их и делать уже ничего не заставляешь. Только приди и слушай. Я и

вопросы разработала, и выступающих подобрала, афиши и те сама писала... Посмотрите.

Она подвела Виталия к большому плакату. Плакат гласил:

25 НОЯБРЯ

В актовом зале института СОСТОИТСЯ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИСПУТ «СОВЕТСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ»

Начало диспута в 7 час. вечера. Приглашаются все желающие. Комитет ВЛКСМ

— Вот, — сказала Наташа, — такие объявления на всех этажах повесили, на курсах объявили, обязали секретарей обеспечить явку. И вот, пожалуйста... Я специально хотела, чтобы вы пришли и посмотрели, в каких условиях приходится... Вася, Вася, подожди минуточку... Извините, я сейчас. — Она схватила за рукав проходившего мимо курносого великана в спортивном костюме. — Васенька, миленький, покрути, пожалуйста, музыку. У меня диспут срывается. Огромный Вася поморщился.

— Наташка, это эксплуатация? Собрание — Вася крути! Вечер. — Вася крути? Ей-богу, брошу рубку, и крутите сами. У меня, в конечном счете, другое поручение есть. Я не вол.

— Васенька, ну, пожалуйста. Ты — не вол, ты — медведь, замечательный медвежонок. И ты для меня прокрутишь несколько пленок.

Виталий поймал себя на ощущении, что ему неприятна эта сцена. Сначала он не мог понять, в чем же дело. Потом сообразил: литературный диспут, на который увлекают при помощи прокручивания каких-то пленок. Пускай самых отличных, но все-таки пленок, не имеющих к литературе никакого отношения. Так внезапно останавливаемся мы перед привычным, мимо чего проходили, не задумываясь, считая это в порядке вещей. Останавливаемся и задумываемся: зачем, почему это в порядке вещей?

Раньше Виталию тоже приходилось прибегать к различным ухищрениям, чтобы завлечь людей на некоторые читательские конференции, и это как-то не

задевало его сознания. Просто само собой разумелось, что есть мероприятия, на которые не ходят. Значит, нужно любыми путями обеспечить явку. Сейчас он спросил себя: а зачем нужно, кому нужно?

Он не успел ответить себе. «Васенька» наконец сдался и куда-то пошел. Через несколько минут из колокольчика зарычали битлы.

— Сейчас кое-кто появится, — весело сказала Наташа, — правда, теперь и на танцы не всегда затянешь, но все-таки...

И действительно, минут через пятнадцать в коридоре уже сосредоточенно толкалось пар пятнадцать.

— Это что, наиболее активное средство агитации? — Виталий кивнул на колокольчик.

— А вы не иронизируйте. Со стороны легко, знаете, говорить.

— Не обижайтесь, Наташа. Я сам хочу кое-что понять... Вот скажите, если бы вы не были ответственной за этот диспут, вы бы сами пришли на него?

— Странные вопросы вы задаете. — Наташа задумалась. — Не знаю... наверное, пришла бы...

Музыка оборвалась и вместо нее захрипел Васенькин бас:

— Товарищи, просьба заходить в зал.

Потом Наташа хватала за руки пытавшихся улизнуть, грозила, упрашивала.

Потом начался диспут.

Вступительное слово кандидата филологических наук Марины Анатольевны Веркиной оставило в сознании Виталия ощущение тягучей скуки, которое не покидало его до самого конца. Слова катились мимо, как вагоны бесконечного состава товарного порожняка, на которых не за что зацепиться взгляду.

Менялись люди на трибуне, а вагоны все катились, катились...

Виталий взялся разглядывать чернильные рисунки на пюпитре. Многие оставили здесь скучающие студенческие перья. Вот очень здорово нарисованная голова лошади и подпись: «Это ты!» Виталий усмехнулся. Вот уж точно! Точнее не скажешь.

Раздался грохот. Виталий вскинул голову. Участники диспута мчались к двери, как мотыльки к свету.

Закончилось мероприятие, и зал мгновенно опустел.

Подошла Наташа.

— Помчались,— осуждающе сказала она,— обрадовались.

— Извините,— как можно мягче сказал Виталий,— но я тоже обрадовался.

— Ну, знаете...— Наташа не находила слов.— Тут бьешься, бьешься. И от вас еще выслушивать. Сами же требуете...

— Чего требуем? Чего?— вдруг неожиданно для себя разозлился Виталий.— Требуем, чтобы люди дошли от скуки? Кто от вас этого требовал?

Наташа растерянно моргала. Виталий тут же устыдился своей вспышки.

— Извините, пожалуйста, за резкость. Но все мы любим ссылаться на какие-то требования. А вот подумайте: ну, кому было нужно то, что сегодня происходило? Слушателям? Выступающим? Вам? Мне?

Наташа молчала.

— Ведь о хороших книгах сегодня говорили. Но, ей-богу же, после такого разговора, кто не читал их, ни за что не станет... Я вот в школе Маяковского терпеть не мог. Так нам «увлекательно» о нем рассказывали, что и читать не хотелось. А в институте случайно «Баню» прочитал, и с тех пор он — мой любимый поэт.

— Но чего вы от меня хотите?— со слезами в голосе спросила Наташа.— Если я не гожусь, подберите другого человека. Я давно уже прошу, чтобы освободили. Надоело все это до чертиков!

— Не о том вы, Наташа. Я сам многого не знаю. Но мне кажется, что всем нам нужно больше думать о том, какую пользу, какой результат приносит все то, что мы делаем... И не смотрите, пожалуйста, на меня, как на начальника, который пришел вас с работы снимать.

— Польза, польза,— раздраженно сказала Наташа,— а как ее определить эту пользу?

— А хотя бы так. Не идут люди, не хотят слушать, значит, и польза близка к

нулю. Вот вы сегодняшнее собрание назвали диспутом. А разве это диспут, когда выходят заранее подготовленные люди и вычитывают по бумажкам всем известные вещи? Диспут — это спор.

— Ха-ха,— сказала Наташа,— да если бы я выступающих не подготовила, так мы на чем начали, на том и кончили бы. И сорвалось бы все.

— И пусть сорвалось! Раз! Два! И все-таки нашлись бы люди, захотевшие высказать свои мысли. Нам надо учиться спорить публично. Ведь столкнись кто-нибудь из этих ваших ораторов с настоящим сильным идейным противником. Он же будет бекать и мекать без бумажки.

— Ну, вы, я вижу, в совершенстве овладели искусством спора,— иронически сказала Наташа,— не спасете ни перед каким идейным противником.

Виталий смутился.

— Ну, зачем вы так... Я сам сегодня впервые по-настоящему задумался над всем этим... Я ведь первый день в горкоме, ну и хочется как-то...

— Мир перевернуть?

— Нет,— сухо ответил Виталий,— но я считаю, что, если человек берется за какую-то работу, он обязан много думать над тем, как выполнить ее честно и как можно лучше. Иначе браться не следует.

— А я не бралась,— с вызовом сказала Наташа,— обязали, вот и тяну.

— Меня тоже обязали,— тихо ответил Виталий,— но просто тянуть я не хочу.

— Да-а? — протянула Наташа.— Ничего, у вас все впереди, как навалится текучка, так не то что думать, книжку почитать некогда будет.

— А я все-таки буду думать,— упрямо сказал Виталий.— Если же случится так, как вы говорите, то пойду и попрошу, чтобы освободили от работы.

— Странный вы,— сказала Наташа.

Виталий не понял, звучала ли в ее голосе насмешка, или уважение, или просто интерес. А может быть, и все вместе.

— Я не странный. Просто в мире очень много несчастных людей, которые

тянут ненавистное им дело. И дело страдает, и они сами. Я не хочу пополнять их ряды.

— Странный вы,— повторила Наташа.

— Замыкать пора,— хрипло сказал за их спиной вахтер, который уже некоторое время гремел ключами, давая понять, что пора очистить помещение.

Они вышли на улицу. Шел холодный осенний дождь. Наташа наскоро попрощалась и побежала через дорогу в общежитие, а Виталий захлопал по лужам домой. Ему идти было очень далеко.

Так закончился его первый рабочий день.

А потом были сумасшедшие три дня, до отказа заполненные посетителями, телефонными звонками, какими-то бумагами и холодной войной с вторым секретарем Василием Абраменко.

Василий твердо верил, что в кресле первого надлежит сидеть ему, и был очень уязвлен выдвижением Скачкова. Поэтому и усвоил по отношению к Виталию слегка пренебрежительный тон, поэтому старался незаметно свалить на него как можно больше дел. Авось засыплется библиотекарь, и наверху поймут, что есть люди покрепче. Виталий чувствовал неприязнь Абраменко и, хотя не понимал ее природы, держался все время настороже.

От этих первых дней остался у него в памяти какой-то калейдоскоп из разговоров.

... В кабинет без стука вошел Василий.

— Привет начальству,— сказал он и развалился на стуле.— Понимаешь, какая петрушка, явился ко мне один малец с завода, что-то изобрел, а его жмут. Приволок кучу чертежей. А я не кумекаю что к чему... Нет возражений?

Опять подвох! Уж очень радостно сообщает Василий, что он в чем-то не разобрался. Ну-ну!

— Что ж, если это не по твоим силам, — спокойно сказал Виталий и тут же убедился, что попал в цель — губы Абраменко обиженно дрогнули.— Зови его сюда.

Василий вышел, хлопнул дверью.

— Ишь бюрократы!— послышалось в соседней комнате.— Толкают от одного к другому, как футбол! А я не футбол, я человек. Я, если что, и в Москву написать могу. Клянусь, могу. Если и этот не поможет... прямо в Москву!

Низенький паренек протиснулся в кабинет. Его лица почти не было видно из-за рулонов чертежей, которые он нес на руках, как охапку дров.

— Вот,— сказал он, свалив чертежи перед Виталием,— если вы не поможете, буду прямо в Москву.

— Ну, зачем же сразу в Москву?— улыбнулся Виталий.

— А затем, что у вас тут везде бюрократы!— запальчиво выкрикнул посетитель.— И вы не смейтесь, я это дело все равно пробую.

— Я не смеюсь,— уже серьезно сказал Виталий,— если дело стоящее, то его обязательно надо пробовать.

— Еще бы не стоящее,— засуетился посетитель,— тут одной экономии на десять тысяч, а производительность труда...— он торопливо разворачивал чертежи.

Виталию определенно нравился этот ершистый паренек.

— Тебя как зовут?

— Георгий Смирнов... Вы смотрите сюда. Если деталь обтачивать...

— Ты из десятилетки на завод пришел?

— Ага... Смотрите...

— Погоди, Георгий,— остановил Скачков,— ты мне сейчас все это не растолковывай. Я, знаешь, в технике ничего не смыслю...

— Чего ж я тогда с вами время теряю?!— закричал Смирнов и сгреб чертежи.— Смеетесь, что ли? Я теперь — прямо в Москву!

— Ты не шуми,— сказал Виталий,— я в технике действительно ничего не понимаю, но у меня есть хороший друг, он инженер и понимает. Мы ему сейчас позвоним. Он посмотрит твои чертежи и скажет свое мнение. Идет?

— Идет,— с сомнением в голосе согласился Георгий.— Только вы с этим делом не тяните особенно.

— А чего тянуть! Мы прямо сейчас и позвоним,— ответил Виталий и потянулся к телефону...

...Парень смотрел исподлобья. На нем был серый потрепанный пиджак с закрученными винтом бортами и оттянутыми карманами, такого же цвета брюки, помятые и вздувшиеся на коленях. Большая рука, лежащая на столе, беспрерывно отстукивала какой-то ритм, на тыльной стороне ее виднелись синие расплывчатые узоры татуировки.

Парень говорил медленно, подбирая слова.

—... и решил я после того случая завязать. Будь оно... а общем, кончить с той жизнью. Да не шибко получается. Притопал на...

Затрещал телефон. Виталий про себя выругался, третий раз перебивают разговор,

— Извини, Дмитрий,— и снял трубку.

Дмитрий замолчал и продолжал постукивать татуированной рукой по краю стола.

— Слушаю,— говорил Виталий.— Здравствуйте. — Он узнал голос заместителя заведующего отделом крайкома. Голос был раздраженный.

— Чего ты там канителишься?— спросил замзав.— Тебе когда дали задание подготовить справку по военно-патриотическому воспитанию?

— Справка готовится,— ответил Виталий.

— Так сколько она будет готовиться? Год, два или сколько? Ты вот что, Скачков, надо работать четче. Чтоб сегодня к концу дня справка была. Усвоил?

— Понятно.

— Ну, пока.

— Ты, Дмитрий, посиди еще минуточку. Я сейчас... и мы продолжим разговор,— сказал Виталий и направился к двери.

— Свету пригласите, пожалуйста,— сказал он, приоткрывая дверь.

В соседней комнате три раза грохнули в стену кулаком. И через несколько секунд Света Сизикова вошла в

кабинет.

— Светлана, как со справкой по военно-патриотическому?— спросил Виталий.

— Факты уже собраны... Только написать осталось...

— Так чего же вы не пишете?

— Сегодня начну.

— Светлана, сегодня надо уже кончить. Вот давайте сейчас прямо садитесь и пишите. К вечеру надо сдать в крайком.

— Так не успеем перепечатать.

— Надо успеть. Они мне уже звонили. Просто неудобно получается. Что мы, не способны справку вовремя сдать?

— Почему это не способны? - обиделась Света. — Подумаешь, справка! Не первый раз. Будет готова.

— Ну, и отлично.

— Продолжай, Дмитрий,— сказал Виталий, когда дверь за Светой закрылась.

— Да чего продолжать! С этими гадами завяжешь. Куда ни ткнешься — с приветом, Петя! Как узнают, что из заключения, так бортиком: мест, мол, нет. А один тип прямо режет: «У меня своей шпаны девать некуда». Когда на свободу выходил, толковали: «Трудись честно». А как трудиться, когда не берут? Одна дорожка получается! — Дмитрий говорил все громче и злее.— Я вот второй день не жрал! А кому до этого дело? Кому? Скажи.

— Ну, хотя бы мне,— тихо ответил Виталий.— У тебя какая профессия?

— Слесарил по четвертому разряду.

— Ладно. Сейчас попробуем что-нибудь сделать. Ты подожди в соседней комнате.

Виталий взялся за телефон. Но куда бы он ни звонил, едва на другом конце провода узнавали, что место нужно бывшему заключенному, ответ был один: не требуется.

Наконец он набрал номер горкома партии.

— Арсентий Леонтьевич? Здравствуйте,— возбужденно заговорил Виталий.— Это Скачков беспокоит. Арсентий Леонтьевич, что же это у нас получается? Парень решил жить честно, а его снова на старое толкают... Хорошо, я

по порядку. Пришел один из тюрьмы, Дмитрий Соколов... И нигде не может устроиться... Слесарь четвертого разряда... Да, я сам все обзвонил и никакого толку... Хорошо. Спасибо, Арсентий Леонтьевич. Я его направлю. До свидания.

— Дмитрий, иди сюда!— закричал Виталий.— Так вот, Дмитрий, дело решенное. Ступай прямо на механический завод...

— Был я там,— угрюмо пробурчал Дмитрий.

— А ты все-таки походи еще раз. Они тебя обязательно возьмут. А пока,— Виталий пошарил в карманах,— вот тебе четыре рубля...

Дмитрий встал.

— За помощь спасибо, а в подачках не нуждаюсь.

— Да что ты, Дмитрий,— опешил Виталий.— Какие подачки? Ты думаешь, я такой богач, что каждому по четыре рубчика выдаю? Нет, брат, это я тебе не насовсем, а займы. Сам же говорил, что есть нечего. Ну, вот. Получишь зарплату, отдашь. Бери, бери...

Дмитрий зажал в кулаке деньги, пристально, словно запоминая, посмотрел на Виталия и, молча кивнув, вышел...

—...Здравствуйте.

Девушка с ярко-фиолетовыми губами быстро прошла по кабинету и без приглашения уселась на диван.

— Меня привело к вам большое горе.— Девушка промокнула сухие глаза крохотным платочком.— Я ему так верила, так верила... Но он у меня не отвертится... Я прямо так и сказала: не хочешь жениться, подлец, так я тебе всю биографию испорчу... Я прямо к секретарю горкома... Вы должны мне помочь, товарищ секретарь.— Она привычным движением положила ногу на ногу.

Виталий смущенно отвел глаза.

— Пионерский привет,— Виталий увидел перед собой Нинела Осадкина, секретаря комитета торгового техникума.

— Что слышно?— спросил Нинел, усаживаясь напротив девушки и разглядывая ее в упор. Девушка кокетливо улыбнулась и тут же опять состроила страдальческую мину.—Какие новости?

— Новостей никаких, — хмуро сказал Виталий. Он давно знал Нинела и не любил его за болтливость и бесцеремонность.— Что у тебя?

— Ничего особенного,— откликнулся Нинел.— Зашел проведать.— Он снова уставился на девушку.— По какому вопросу у тебя эта фея?

— Слушай, — Виталий начал злиться.— Мне надо поговорить с человеком.

— Говори, пожалуйста. Я тоже слушаю.

— Нинел, если у тебя нет никакого дела, то не мешай мне, пожалуйста. Пойди к Василию, что ли...

Обиженный Нинел вскочил.

— Пардон, пардон. Тут, оказывается, интимная беседа. Не смею мешать. Удаляюсь.

— Я вас слу...

Виталий не договорил: снова проклятый телефон.

— Скачков? Давай срочно в крайком. На совещание.

— Но у меня сидит одна девушка,— ответил Виталий.

— Направь к кому-нибудь из работников. А сам немедленно сюда. Все.

— Простите,— сказал Виталий,— но нам сейчас не удастся поговорить. Меня срочно вызывают в крайком. Давайте встретимся завтра в два. До свидания.

Вернувшись с совещания, Виталий тут же собрал работников горкома. Сейчас они сидели в его кабинете. Одни с выражением мудрой скуки на лице уставились в пол, другие пристально смотрели на Виталия.

— Сегодня в крайкоме,— сказал он,— шел разговор о том, почему среди молодежи есть пьяницы, хулиганы, даже бандиты? Почему комсомольцы попадают в вытрезвитель и под суд? На совещании приводились цифры и по нашему городу... Нехорошие цифры. Надо что-то предпринимать. Вот и давайте обсудим, что именно. Кто хочет сказать?

Встал Василий.

— Хочется сказать несколько слов. Да, товарищи, мы вынуждены признать,

что воспитательная работа в городе пока что не отвечает требованиям сегодняшнего дня. У нас имеются позорные, нетерпимые случаи пьянства и хулиганства. Это, конечно, одиночные случаи, основная масса нашей молодежи здоровая и жизнерадостная. Но даже единичные случаи заставляют нас задуматься. В чем же дело? А дело в том, что пережитки капитализма еще сильны в сознании людей. Кроме того, проникновение буржуазной идеологии из-за рубежа тоже оставляет свои следы. Нам нужно решительно усилить пропагандистскую и агитационную работу, поднять ее на уровень современных задач. Необходимо усилить лекционную работу, работу комсомольской политсети. В ближайшее время мы должны разработать и утвердить конкретные мероприятия по всем этим вопросам. Вот вкратце мои соображения. Больше выступающих не оказалось.

— А задумывались ли вы, товарищи,— заговорил Виталий,— над такой штукой. Почему появляются пережитки капитализма у молодых людей, которые этот самый капитализм и в глаза не видели?

— Дурное влияние, — глубоко-мысленно сказала Лика.

— А почему дурное влияние оказывается порой сильнее хорошего?

— Ну, это уж софистика,— бросил Василий.

— Нет, не софистика. Разрешите мне?— поднялась с места Света.— Я думаю, это очень правильный вопрос. Я иногда задумываюсь: почему в двадцатых годах комсомольцы на пустом месте и кружки всякие создавали и вообще интересно жили? У нас же прекрасные клубы, а в самодеятельность людей затягивать приходится. И на комсомольские собрания тоже. Да что собрания, пленум и то иной раз еле-еле кворум соберешь... А не потому ли все это, что многое мы очень скучно делаем? По шпаргалке да по сценарию. Называем это подготовкой, а на самом деле просто облегчаем себе жизнь. Оно, конечно, без подготовленных ораторов труднее собрание провести, чтобы люди сами

говорили... А так и протокол в порядке, и ошибок никаких. А толку-то, толку от таких мероприятий!

— Демагогия,— вмешался Василий. — Комсомол — политическая организация, а не увеселительный клуб. Люди должны знать дисциплину, и все.

— Но комсомол — молодежная организация,— возразила Света,— молодежь ты никакой дисциплиной не удержишь, если скучно. И дело тут вовсе не в увеселениях. Их-то сейчас хватает. Инсценировки всякие на собраниях, и музыка, и что хочешь. По-моему, на собраниях должны ставиться настоящие вопросы и разговаривать о них надо человеческим языком, чтобы задевало, чтобы волновало. А мы часто жуем, жуем одно и то же, одно и то же, и одними и теми же словами. Самим тошно, а о слушателях и говорить нечего. Спор продолжался долго. В него включились все. Сегодня Виталий убедился, что он со своими мыслями не одинок в горкоме. И хотя в этот вечер они ни до чего конкретного недоспорились, его радовал, сам разговор, в котором звучали не казенные формулировки, а страстные слова заинтересованных людей. А решения придут позже, обязательно придут. Надо думать, спорить, ошибаться... Ошибаться? Да, и ошибаться. От этого уж никуда не денешься, если делать что-то по-настоящему.

Виталий шел в редакцию молодежной газеты. Это решение пришло к нему поздно вечером, когда он вернулся домой после памятного спора в горкоме. В самом деле, надо рассказать ребятам, наверное, кто-нибудь найдется, напишет статью поострей обо всем том, что мучает сейчас его, Виталия. Может получится интересный разговор в газете, а потом... Впрочем, рано пока загадывать.

По редакционному коридору шел монументальный человек и, потрясая бумагами, меланхолично говорил:

— Сечь надо... Сечь надо за такие материалы.

Так как человек не уточнял, кого именно следует подвергнуть экзекуции, оставалось предположить, что сечь надо

всех. Впрочем, человек тут же подтвердил эту догадку и заметил:

— Всех сечь надо.

— Простите, кто в редакции занимается комсомольской жизнью?

— Крайняя комната. Весельчаков.

И человек скрылся в кабинете с табличкой «Секретариат», повторяя, свою загадочную формулу:

— Сечь надо... Разве можно это давать в газету?

Виталий приоткрыл облупленную дверь. В довольно просторной комнате стояло пять столов. На одном из них сидел длинноносый длинноволосый парень и кричал в телефонную трубку:

— Ты меня понял, старик? Значит, передашь строк сорок-пятьдесят по этому самому... Ага... Так. Теперь по учебе. Пришлешь корреспонденцию... Нет, по телефону не надо, пришлешь автобусом... Ага, строк двести... Ну, и сам смотри, что там у вас интересенького. Бывай.

Он бросил трубку на рычаг, снова снял, крикнул: «Девушка, закончили». Опять бросил трубку и перебежал к другому телефону, который уже несколько минут захлебывался звоном. На бегу парень пожал Виталию руку и махнул на стул: садись.

— Алло! Нет, девушка, это не крайпроект. Это искусственный спутник Земли. Пока... Вот черт,— пожаловался парень,— спорт в командировке, сельская молодежь—больной, зав где-то заседает. Приходится за всех отдуваться... Будем знакомы — Аркадий Весельчаков.

— Виталий Скачков.

— Отлично. Что принес, Виталий?

— Да ничего. Я хотел...

— Правильно. Мы тебе сейчас дадим задание. Главное хотеть, а умение писать позже придет. Нам во как нужны юнкоры... Ты где работаешь?

— Я... это... секретарь горкома комсомола.

— А-а!.. Гм... Ну, и что ты хотел?— в голосе Аркадия проскользнули нотки разочарования.

— Понимаешь, я хотел бы предложить тему для статьи.

И Виталий рассказал о диспуте в

институте, о разговоре с Наташей, о споре в горкоме.

— Колоссальная идея,— обрадовался Аркадий.— Ты, старик, мне послан самим аллахом или пророком его Магометом. Только вчера меня секли на летучке за то, что в газете нет проблемных материалов. Нет, серьезно, эта статья будет в самую жилу... Да, давненько я в горкоме не был... Ты что, недавно там?

— Да, не очень давно... Три дня.

— Ха-ха. Это стаж! То-то я тебя не знаю. Я в отпуске был... Ты первый или второй?

— Первый.

— Вот. А я не знаю. Позор на мою седую голову. Впрочем, ты же Скачков! Как же я сразу не обратил внимания на фамилию. Фамилию слышал. А вторым у тебя по-прежнему Васька?

— Он.

— Зря. Пижон. Ну да об этом в другой раз поговорим... Значит, таким образом. Даю тебе на статью четыре дня. Хватит?

— Я думал, ты сам напишешь,— сказал Виталий.

Аркадий сморщился.

— Старик, не порть красивый разговор. Мне же обо всем договорились. А ты вдруг такие вещи. Не заставляй меня в тебе разочаровываться.

— Но ведь я никогда не писал. Могу загубить дело.

— А вот этого я тебе, старик, не позволю. Давай пиши, как рассказывал. А потом посидим вместе, помаракуем. Добро? Так через четыре дня жду. А сейчас прости,— Аркадий уткнулся в бумаги,— в номер материал сдавать. Скоро секретариат шипеть начнет... Так помни, через четыре дня. Бывай.

— Товарищи, — провозгласил, входя в сектор учета, Василий, — сегодня наш мудрый библиотекарь будет иметь бледный вид.

Лица мгновенно отодвинула лежащие перед ней учетные карточки, чтобы «обменяться мнениями по животрепещущим вопросам».

— В чем дело?— спросила она. Василий выдержал эффектную паузу.

— Погорела Галка.

— Какая Галка?

— Ну, боже мой, Смородина. Любовь нашего библиотекаря.

— Смородина?!— воскликнули в один голос Лика и Света.— А что с ней?

— Служебное преступление. Подробности пока не знаю. Но она что-то там детям прививок не делала, а записывала как сделанные. Все материалы будут у нас к вечеру. Ее уже сняли с секретарства в поликлинике и исключили из комсомола. Теперь к нам на бюро.

— А что, они действительно с нашим... это самое? — жадно спросила Лика.

— Ликочка, где ты живешь? Давным давно. Я их сколько раз видел.

— Да,— вздохнула Лика, — будет скандал. Библиотекарь очень свободно может погореть на этом деле. Бедняга.

— Лика! Что я вижу!— в притворном изумлении Василий развел руками. — Ты кому-то сочувствуешь! Необыкновенно! Сенсационно! Библиотекарь тронул твое сердце!

— Да, представь себе,— Лика улыбнулась, как она полагала, лукаво и обворожительно.— Я почти очарована нашим маленьким библиотекарем.

Они дружно захохотали.

— До чего же вы ехидные, — сказала Света с отвращением,— у людей несчастье, а вы...

— Ого!— воскликнул Василий.— Лика, у тебя появилась вторая соперница. Впрочем, Галку теперь можно не считать, а эта посерьезней... Спешి завоевать сердце начальства, а то у тебя его уведут из-под носа... Как мимолетное виденье, как гений чистой красоты.

— И глупо!— воскликнула Света.— И цитаты твои не к месту. Просто он мне начинает нравиться. И вообще, злорадствовать подло.

Василий нахмурился, но продолжал балагурить.

— Во! А я о чем толкую! — Он чересчур шумно расхохотался. — Начинает нравиться! А, Лика, какво?!

Лика многозначительно улыбнулась.

— Светочка, мы справим тебе комсомольскую свадьбу. Но меня беспокоит, что у тебя дети будут рыжие и все в очках.

Они опять захохотали. Света вскочила.

— Вы удивительно умеете все выворачивать наизнанку... Да, я начинаю уважать его. Он знает, чего хочет. Он честный. А вы говорите о нем гадости. И вам должно быть стыдно.

— Ой,— сказал Василий, — мне стыдно, удаляюсь переживать. Кстати, заодно, сообщу библиотекарю приятную новость. А какой он честный, узнаем на бюро.

Он вышел. А в секторе учета повисло напряженное молчание.

— Эх, Галка, Галка! Что же теперь делать?

Виталий сидел в своем кабинете и, как в первый день своего прихода в горком, не мог ни на чем сосредоточиться. Впрочем, нет, с тем первым днем не могло быть никакого сравнения. Тогда он просто не знал, как взяться за дело, а теперь Галка...

Они познакомились год назад. Да, действительно, как раз год, это было в ноябре.

Где знакомятся обыкновенные люди? На вечерах, на танцплощадках, в гостях. У комсомольских активистов все происходит иначе. Виталия и Галю свела вместе рассеянность заведующего отделом пропаганды, который поручил каждому из них в отдельности проверить работу одного и того же политкружка.

Они посмеялись над завом, который забывает, кому что поручил, немного поспорили, кому оставаться, кому уходить и, наконец, решили остаться оба. Пропагандист с некоторой оторопью смотрел на такое нашествие проверяющих и, наверное, видел в этом дурной знак. Впрочем, занятие было как занятие, и вообще в кружке все оказалось в порядке. Так что опасения пропагандиста оказались беспочвенными.

Было уже темно, когда они закончили проверку, и Виталий сказал, что проводит Галю домой.

— Смотрите, — засмеялась она, — я далеко живу.

— Ничего, — храбро сказал Виталий и взял ее под руку. Девушки всегда говорят, что они живут далеко, а потом оказывается, что ходу-то всего три-четыре квартала. Для чего им это нужно, никто не знает, но они так делают и, значит, находят в этом какой-то смысл.

Однако в данном случае Галя сказала правду, Они шли и шли. Стал накрапывать довольно противный дождь, и старый плащ Виталия быстро дал течь. Впрочем, он не слишком обращал на это внимание. Он был увлечен разговором. Никогда бы раньше не подумал Виталий, что может так много говорить с едва знакомой девушкой. Обычно он сходил с людьми трудно и среди товарищей считался молчуном. Впрочем, секрет красноречия был прост — Галя сразу же очень понравилась Виталию. И, как выяснилось значительно позднее, он ей тоже. А в таких случаях слова находят сами и возникает та особая легкость в переходе от одной темы к другой, какая бывает между людьми, хорошо понимающими друг друга.

О чем только не говорил Виталий в тот вечер! Больше всего о книгах, конечно, о своих любимых книгах, и просто о любопытных, и даже о плохих, такие ведь тоже встречаются и бывают по-своему забавными.

Галя слушала с видимым удовольствием, а сама рассказывала мало. Только и узнал Виталий, что работает она медсестрой в детской поликлинике, и одна из главных ее обязанностей — делать прививки от разных болезней совсем крошечным ребятишкам. Она так и сказала «крошечным». И это довольно трудно, потому что ребятишки плачут и мамы плачут. И жалко их.

А переулки все петляли и петляли, уводя их от центра города. Фонари стали редкими, потом совсем исчезли. Домишки здесь были маленькими, а улицы горбатыми.

Потом они шли мимо длинной высокой глухой стены, за которой дремал какой-то завод, се может быть, не завод, а

фабрика, а может быть, что-нибудь еще. Виталий совершенно не ориентировался в этих местах. Виталий вспомнил, что именно на фоне такой стены разыгрывается убийство в одном фильме, кажется, итальянском.

Галя засмеялась и спросила, не испугался ли он, забравшись в такие итальянские трущобы. Виталий тоже засмеялся и ответил, что конечно же нет, просто художественные ассоциации. И немножко покривил душой, потому что было здесь все-таки жутковато, мерещились хулиганы, которые обязательно должны водиться в таких вот местах. Позднее Виталий понял, что эти самые места и являются наиболее безопасными, хулиганам просто нечего делать на пустынных улицах. Они промышляют в центре, где имеется сколько угодно объектов для агрессии. А здесь что, крепко запертые ворота и окна, прохожих нет. А хулиган без прохожего, что хоккеист без клюшки.

Потом они переходили дорогу, и Виталий провалился по щиколотку в жирную жадную грязь. Чертыхнулся. Галя сказала, что он, наверное, жалеет, что пошел ее провожать. Виталий ответил, что никогда и ни о чем не жалеет.

А потом они долго стояли около серого, чуть покосившегося забора, за которым стоял дом Гали, и разговаривали. Лил дождь, а они все разговаривали. Порой ниточка разговора рвалась, и наступал момент, когда следует сказать «пока» и разойтись. Но они не спешили говорить «пока», а поспешно связывали ниточку. И опять говорили, а дождь лил, и они уже совершенно промокли, но не расходились, словно ожидая чего-то.

А потом Виталий как-то незаметно для себя поцеловал Галю. И она его не оттолкнула. Если бы Виталию раньше сказали, что он проявит такую прыть, он бы ни за что не поверил. А тут все получилось просто и естественно. Черт его знает почему, но получилось. Бывает так иногда.

И долго еще стояли они в тот вечер у серого, чуть покосившегося забора, почти не обращая внимания на дождь.

Стояли до тех пор, пока дождь, очевидно, оскорбленный такой невнимательностью, не ударил со страшной силой.

Потом они встретились, чтобы вместе написать справку о работе политкружка, сыгравшего такую важную роль в их жизни. И справка получилась, пожалуй, даже чересчур оптимистической.

Потом был вечер, посвященный открытию городского молодежного клуба, куда они пришли уже вместе. И там Виталию устроила маленький скандалчик одна из сотрудниц библиотеки, которая давно уже пыталась привлечь его внимание и почему-то полагала, что преуспела в этом. Она восприняла появление рядом с Виталием маленькой беленькой девушки как коварный удар из-за угла. И не замедлила сообщить об этом Виталию. Тот немного удивился и отошел, оставив разъяренную сотрудницу наедине с ее яростью.

А потом они встречались так часто, как могли, и было у них все точно так же, как у многих и многих других людей было до них и будет после них. Были тихие молчаливые вечера, были ссоры и радостные примирения, и разговоры, в которых каждая мелочь кажется необычно важной.

Ах, Галка, Галка! Что же теперь делать?

Виталий уже знал подробности скандала, разразившегося в поликлинике. Одна мать заявила, что ее дочке не делались прививки, а по записям оказалось, что делались. Стали проверять, и выяснилось, что таких случаев немало.

И теперь Галка придет сегодня на бюро, и он, Виталий, вместе с членами бюро должен будет решить ее судьбу. Как это плохо, как трудно. Даже мелькнула мысль, которая частенько приходила в детстве, когда предвиделись неприятности: хорошо бы заболеть. Нет, детство давно кончилось, и за болезнь не спрячешься.

Зачем, зачем ей это понадобилось? То-то Галка избегала его последнюю неделю. Теперь понятно. Но непонятно другое — Галка — очковтиратель, да еще

в таком деле. Нет, не вяжется. Хоть убей, это невозможно себе представить. Представить невозможно, но материалы проверки — вот они. И у себя на комсомольском собрании Галка все признала. Хоть бы поговорить с ней. Не подходит к телефону.

Виталий бегал в поликлинику, девочки сказали, что ее нет. А он чувствовал по тому, как они это говорили, что говорят неправду.

Как же быть-то теперь? Как вести бюро? Какое решение отстаивать? Действительно, вот бы заболеть! А, ерунда! Не об этом надо сейчас. Не об этом.

Он так ничего и не решил, когда начали собираться члены бюро. Единственное, что он сделал: поставил Галкин вопрос последним, чтобы можно было поговорить с ней после бюро.

Заходили, здоровались. Выходили покурить до начала. Из коридора доносился приглушенный, но оживленный разговор.

Когда Виталий выглянул, чтобы пригласить их к себе, пора было начинать, все вдруг смолкли. И он понял, что все знают о его отношениях с Галкой, говорят о них и ждут, как он поведет себя.

Галки нигде не было видно.

Заседание шло своим чередом, но мало было вопросов, мало выступлений, а те, что были, отличались необычайной краткостью. Чувствовалось, что все ждут персонального дела Смородиной и спешат побыстрее разделаться с остальными делами.

И вот настал этот момент. Вошла Галка. Еле шевеля губами, поздоровалась и опустилась на стул у дверей. Она показалась Виталию совсем маленькой. Этаким потерявшийся на шумной улице ребенок. И жалость охватила его. Хотелось погладить эти белые волосы и сказать: «Не горюй, Галка, все как-нибудь обойдется».

Но тут же увидел холодный, подстерегающий взгляд Василия, тоненькую улыбочку Лики, которой совершенно нечего было сегодня делать на бюро, но она попросила разрешения присутствовать, и Виталий разрешил. Он

увидел обращенные к нему взгляды ребят, которых он почти не знал. И он произнес совсем не те слова, которые хотелось, а те, которые он обязан был произнести.

— Переходим к персональному делу Смородиной Галины Сергеевны.

Сообщение делала новый секретарь поликлиники, избранная на место Галки, Раиса Строева, довольно красивая девчонка. Но Виталию она казалась чудовищно уродливой.

Раиса с упоением обличала Галку, она говорила не о проступке, не об ошибке, а о преступлении. Ведь дети могли заболеть.

И это было, в общем-то, справедливо.

Но Раиса говорила не только о том, она утверждала, что все это не случайно, что от такого ветреного человека, как Смородина, можно ожидать всего, что у нее в голове только танцы да мальчишки, что она морально неустойчива и вообще удивительно, как она оказалась в числе комсомольских активистов.

И, когда говорила все это Раиса, Галка впервые за все время подняла голову и пристально посмотрела на Виталия. «Не верь,— говорили ее широко раскрытые глаза,— не верь, это неправда».

Но Виталий не ответил на ее взгляд, он видел торжество, с которым слушали Лика и Василий. Он видел только это и не заметил Галкиного взгляда.

Она опустила голову.

— И наша комсомольская организация решила,— закончила Раиса,— что такой, как Смородина, не место в рядах ВЛКСМ. Мы исключили ее и просим бюро горкома утвердить наше решение.

— Какие будут вопросы? — хрипло сказал Виталий и откашлялся.

— Есть вопрос к Смородиной,— сказал Василий.— Разрешите?

Виталий кивнул.

— Скажите, Смородина, что толкнуло вас на преступление?

Галка вздрогнула и встала. — Детишки плачут...

— Говорите громче, — резко сказал Василий,— не забывайте, что вы на бюро городского комитета.

— Детишки плачут, — повторила Галка громче,— матери просят: не надо делать. Ну, я и соглашалась... Жалко.

— Пожалели, значит,— саркастически заметил Василий. — Гуманизм проявили. А вы знали, что от этого вашего гуманизма могут пострадать дети?

— Я об этом не подумала.

— Какой-то детский лепет,— Василий, удовлетворенный, откинулся на спинку стула.

Больше Галка ничего не смогла сказать.

Когда начались выступления, стало ясно, что Галкино положение из рук вон плохо. Ни у кого не нашлось для нее доброго слова. Ни у кого, кроме Светы Сизиковой, которая, как и Лика, напросилась на заседание, хотя никакого ее вопроса сегодня не слушалось. Света сказала о том, что Галка была хорошим секретарем комсомольской организации и горкомовские поручения всегда выполняла добросовестно. И вообще Галка хороший человек.

Однако после всего сказанного другими Светины слова прозвучали совсем неубедительно, даже жалко как-то. Ну, что значит «хороший человек» рядом с «должностное преступление», «моральная неустойчивость», «безответственность»? Есть слова сильные и слабые. «Хороший человек» относится к числу последних.

Перед голосованием Галке предоставили последнее слово. Но она не смогла сказать ничего путного. Только попросила не исключать ее и совсем подетски пообещала, что никогда ничего подобного делать не будет.

Потом ее попросили подождать в коридоре. Это сделал Василий. Виталий совсем забыл, что подсудимому не положено слушать спор судей.

Василий немедленно внес предложение утвердить решение первичной организации.

И вот тут-то оказалось, что далеко не все настроены кровожадно. Оказалось, что очень многие знают Галку и знают с хорошей стороны. Первым вмешался похожий на медведя Николай Хропов,

секретарь с механического завода. Он говорил медленно, будто вытягивал из себя слова.

Чушь городишь, Вася. Что мы, Галки не знаем? Отличная девчонка. Ну, оступилась. Так теперь ее выбрасывать? Активистка. Этак пробросаемся. На нервах у нее мы достаточно поиграли. Запомнит на всю жизнь. Предлагаю вклеить строгача, и дело с концом.

Виталий удивился. Во время обсуждения Хропов выступал так, что не оставалось никаких сомнений: он за исключение.

— Слюнявый разговор, — вскинулся Василий, — не ожидал от тебя, Хропов, такой непринципиальности.

— А ты меня, словами не пугай, — откликнулся лениво Николай, — сказал, что думаю. И повторю где хочешь.

— Я тебя не пугаю, — зло ответил Василий, — только с такой позицией знаешь, до чего можно докатиться!

— До чего?

— Сам знаешь, не маленький.

— А ты просвети меня, неграмотного. Ты же, Вася, всякие разные слова знаешь, Так расскажи. А мы послушаем.

Вмешался Виталий.

— Товарищи, давайте по существу.

И разгорелся спор. Не один Николай стоял за выговор.

И Виталия охватила радость. И тут же он испугался этой радости. Значит, он не объективен, значит, на его решения влияют личные чувства. А если бы на месте Галки был какой-то другой, совершенно неизвестный ему человек? Как бы он думал и действовал тогда? Так же? Иначе? Неизвестно. Скорее всего, иначе. Значит, он хочет использовать свое положение, чтобы выгородить дорогого ему человека, И другие тоже знают Галку, вот и заступаются. А какое может иметь значение, активист человек или нет, если он виноват, и виноват серьезно? Значит, они хотят поступить нечестно. Нечестно.

Но ведь это же Галка, Галка.

— Давайте голосовать, — громко сказал Василий. — Есть два предложения, вот и давайте голосовать.

Виталий оторвался от своих мыслей

и тихо сказал:

— Да, давайте голосовать, В порядке поступления. Кто за то, чтобы утвердить решение первичной организации об исключении Смородиной Галины Сергеевны из рядов ВЛКСМ? Прошу голосовать.

И он увидел, что ровно половина членов бюро подняла руки. И опять вспыхнула в нём радость. И тут же погасла. Все смотрели на него внимательно и требовательно и ждали, как поступит он. Ведь он не сказал сегодня ни слова, ни за, ни против. И под этими взглядами Виталий медленно поднял руку.

Охнула Света. Дернулся на стуле Василий. Широко открылись всегда прищуренные глаза Лики.

— Ну, даешь, — растерянно сказал Николай Хролов. — Объясни свою позицию. А то неясно как-то получается. Вроде ребуса.

— Объясню, — Виталий говорил с трудом. — Мы не можем руководствоваться личными чувствами. Отсюда все злоупотребления. Вы все говорили, что она активистка, и поэтому нужно проявить снисхождение. Не должно быть разного подхода к активистам или неактивистам. Все равны. Вот моя позиция.

— Ну, даешь, — сказал опять Николай, на этот раз зло. — Без чувств, значит. Как роботы.

Виталий тоже разозлился. Решение, которое он принял, потребовало больших усилий. И он не хотел. Он не мог больше ничего слушать.

— Не роботы, а честные люди.

— Это не честность, а глупость. Ну, кому польза от того, что вы сейчас Галку исключили?

Кому? Виталий не смог ответить. И при чем тут польза? Он поступил правильно.

Позвали Галку. Она вошла и ожидающими глазами уставилась на Виталия. И он, глядя в стол, объявил ей решение бюро. Потом искоса взглянул. Ничего, кажется, не изменилось в лице Галки. Только побледнела, кажется, чуть-чуть.

Она открыла сумочку, подошла к столу и бережно положила на краешек его

комсомольский билет в потертой обложке.

— Задержитесь на минутку,— сказал ей Виталий, и она покорно отошла в сторону и стала ждать.

Виталий закрыл заседание. Все вышли молча, без обычного шума, какой бывает всегда после долгого сидения.

Галка молчала. Молчал и Виталий, не зная, что сказать ей.

Так молча и вышли они на улицу. Опять лил противный осенний дождь. Как тогда, год назад. Но сейчас Галка глядела в сторону. А Виталий не мог выговорить ни слова.

— Мы не могли иначе,— наконец сказал он.

— Я понимаю,— равнодушно откликнулась Галка.

И опять повисло молчание.

— Я пойду,— сказала она.

— Я провожу тебя.

— Не надо. Мне не хочется с... вами разговаривать.

Она сказала это так, что Виталий понял, спорить бесполезно.

Он смотрел, как уходила она, маленькая, обиженная. Кем обиженная? Им, Виталием. Нет, просто так сложились обстоятельства. Он не мог поступить иначе. Он бы просто перестал уважать себя, если бы поступил иначе. Но что же делать с Галкой? Ведь он ее любит. Да, любит, хотя и ни разу не говорил ей об этом. Любит и ударил. Но ударил не он,

Виталий, ударил секретарь горкома. Что же это получается, секретарь сам по себе, а он сам по себе? Нет, нет. Это не так. Скажем иначе. Если бы он не был секретарем, если бы он был просто человеком. Опять ерунда. Что же, секретарь перестает быть человеком?.. Просто секретарь не может иной раз позволить себе того, что позволительно другим... Ах, как все это сложно. И где та мерка, по которой можно отмерить правильные и неправильные решения? Где она? Но что же все-таки делать с Галкой? Ведь она, пожалуй, не простит. А как же он без нее? Почему, собственно, не простит? Разве не она сама виновата в случившемся? Николай говорил, кому от этого польза? А в самом деле, кому? Ведь Галка все понимает. Но она и раньше понимала. И все-таки делала, и делала бы дальше, если бы не попала. Значит, все верно. Отчего же так погано на душе, если все правильно?

И как же все-таки быть с Галкой? Как вернуть ее? Как вернуть?

Он стоял под дождем и бормотал про себя какие-то фразы. А редкие прохожие искоса поглядывали на него, принимая за пьяного. Но он не замечал прохожих, не замечал дождя, поглощенный своими мыслями. Он решал для себя многие, очень важные вопросы, и среди них самый важный: что же делать с Галкой?

